

(Белград)

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ ПЕРВООСНОВА

С точки зрения географии IX в. древний церковно-славянский был диалектом славяноговорящих македонских славян в окрестностях Фессалоник и был хорошо известен свв. Кириллу (+ 869) и Мефодию (+ 885), “апостолам славян”. Он был понятен в то время всем славянским народам, а из современных языков он ближе всего болгарскому и македонскому. Это язык, который присутствует в славянских литургических рукописях вплоть до конца IX в.

Это был очень мелодичный язык благодаря явной закономерности регулярного чередования согласных и гласных звуков. Древние церковно-славянские тексты характеризуются использованием двух еров: ь и ѣ, двух юсов: малого (А) и большого (Ж), а также двух групп согласных шт и жд. Первым алфавитом была глаголица. В начале буквы имели округлые контуры, позднее приобрели угловатую форму. Глаголица была предположительно создана Константином (Кириллом) около 863 г. Наиболее вероятная, принятая ныне концепция объясняет буквы глаголицы как трансформацию греческого минускульного письма IX в.

Кириллический алфавит был введен в употребление в конце IX — начале X в. Ф.Гривец приписывает его версию Константину Пресвитеру. Кириллица базируется на греческом унциальном (маюскульном) письме с добавлением некоторых букв, взятых из глаголицы.

Литургические рукописи переводились с греческого на древний церковно-славянский в Константинополе, на территории современной Болгарии, Македонии, на Святой горе Афон, в Фессалониках, а также в Моравии, Богемии и на Руси. В конце IX в. широко действовали две древние церковно-славянские литературные школы. Одна находилась в Южной Македонии, в Охриде, где господствовала глаголическая традиция, другая — в восточной Болгарии, в монастыре Святого Пантелеимона в Преславе, где было введено в употребление новое кириллическое письмо. Главной задачей двух школ было учить произносить проповеди, переводить и копировать рукописи. Поскольку не было достаточного количества переписчи-

ков, умеющих транскрибировать текст глаголических рукописей в кириллический алфавит, оба шрифта жили бок о бок около сотни лет. Существует по крайней мере восемь литургических рукописей в кириллице, содержащих слова или фразы, написанные глаголицей.

Дальнейшее развитие языка идет очень сложно и по-своему в каждой стране. С XI в. постепенно развиваются национальные традиции поправок текста. В рукописях после XI в. уже нет всех фонетических и графических характеристик древнего церковно-славянского языка, в них демонстрируются существенные расхождения различных славянских диалектов.

Различаются следующие шесть главных “редакций” церковно-славянского языка: 1) чешская, 2) средне-болгарская, 3) сербская, 4) хорватская глаголическая, 5) русская, 6) румынская (позиция последней до некоторой степени специфична вследствие не славянской среды распространения). Хотя каждая из этих национальных редакций, особенно южно-славянская, достаточно цельная, тем не менее были обнаружены специфические черты местных вариантов и — в поздних рукописях — признаки их взаимовлияния.

Древний церковно-славянский существует как в глаголических, так и в кириллических рукописях до конца XI в. Несмотря на то, что наибольшая часть сохранившихся рукописей использовалась для богослужения (это наводит на мысль о том, что части их содержания должны были читаться или исполняться певчески), ни одна из них полностью не нотирована.

Ряд литургических рукописей, большинство которых сохранилось во фрагментах, написаны глаголицей, и несомненно, что часть их текстов распевалась. Кроме Киевского Требника (“Киевских листков”), о котором существуют противоречивые мнения, для возможной музыкальной реконструкции древних славянских текстов важны Синайский Евхологий и Синайская Псалтирь. Литургический анализ Синайского Евхология, изучение его гласовой системы, сравнение его песнопений с греческими оригиналами и с нотированными текстами в ранних русских рукописях, сравнение числа слогов в трех версиях пролет, конечно, больше света на происхождение славянского церковного пения.

Наиболее ранний из сохранившихся славянских памятников, связанных с пением, имеет византийские тексты, написанные церковно-славянским шрифтом, аналогично тому, как латинские манускрипты содержат греческие тексты, написан-

ные латинскими буквами. Это эпиграфическая надпись на “Preslavska ploča” в Болгарии (893 г.). И.Гошев обнаружил в ней буквы из трех алфавитов: греческие; славянские глаголические, не имеющие греческих эквивалентов; кириллические. Надпись включает в себя несколько строф прокимнов, записанных невмами. Подобная транслитерация кириллицей строф греческих прокимнов и других текстов имеется в древнейшей крюковой славянской рукописи — русском Типографском Уставе конца XI в. Здесь также переписчик обозначил свое имя глаголицей.

Остановимся кратко на экфонетической нотации и попытаемся ответить на следующие вопросы: 1) что такое экфонетическая нотация? 2) в каких рукописях мы можем ее найти? 3) как она записывается? и 4) каковы знаки экфонетической нотации?

Существуют две системы византийской нотации: а) экфонетическая, состоящая из одиннадцати элементарных знаков, и б) невменная. Отличительной чертой экфонетической нотации является то, что она служит для обрамления фраз, в отличие от западного *lectio solemnis*. Нашей современной науке известны только две сохранившиеся древние церковно-славянские рукописи, содержащие экфонетическую нотацию: древнейшая русская датированная рукопись, Остромирово Евангелие, написанное в 1057 г., и так называемые Киприановы или Новгородские листки, также XI в. То, что экфонетическая нотация не нашла широкого распространения среди славянских рукописей, по-видимому, означает, что славянские священники и диаконы обладали достаточной способностью интонирования славянских текстов без использования экфонетической нотации.

Среди литургических книг есть такие, которые употреблялись для пения, особенно Октоих и Ирмологий. Проф. Р.Якобсон предположил, что Ирмологий был распет на славянском к 80-м гг. IX в. О.Странк, тем не менее, оспаривает это утверждение¹. Здесь мы задаемся важным и интригующим вопросом об устной традиции, который привлекает внимание ученых как на Западе, так и на Востоке (см. труды О.Странка, М.Хааса, К.Леви).

По мнению И.В.Ягича, самые ранние переводы Минеи были выполнены южными славянами в конце X — начале XI в., как уже упоминалось ранее, на территории современной Болгарии (Преслав), Македонии (Охрид), и на Святой горе Афон. Это была первая редакция, вторая была сделана русскими. В ранних грече-

ских Минеях И.В.Ягич обнаружил около дюжины имен авторов, которым приписывают различные каноны и стихиры. Большинство канонов в рукописях, опубликованных Ягичем, приписывают двум гимнографам IX в.: Феофану Начертанному († 850) и Иосифу Гимнографу († 883). Вывод Ягича о том, что последняя редакция этих славянских Минея относится не к IX, а к середине X в., основывается на датировке второго канона Введению Пресвятой Богородицы во Храм, творение Василия. Эта редакция, как считает Ягич, отражает Типикон Студийского монастыря и существует в рукописях до конца XIV столетия.

Древние церковно-славянские переводы сохранились преимущественно в ранних русских рукописях XI — второй половины XIV в., в некоторых болгарских и немногих сербских рукописях. Как греческие, так и древние церковно-славянские рукописи проникли на Русь из южных славянских территорий, из Фессалоник и Константинополя (через Херсонес в Крыму). Некоторые подлинники славянских писаний из Богемии, а именно песнопения св. Венцеславу († 935), также нашли отражение в ранних русских рукописях (ср.: ГИМ, Синод. собр. № 159 (XII в.), лл. 242 об. — 247; Ягич, с. 213–222). Рукописи копировались на юге России — в Киеве и Южном Переяславле, на севере — в Новгороде и Пскове; известны также книги, написанные в Ростове Великом и Смоленске. Большинство сохранившихся ранних русских рукописей имеют новгородское происхождение, древнейшие киевские уничтожены татарским нашествием. Мы не будем говорить о службах в честь первых русских святых. Р.Якобсон вновь подтвердил южно-славянское происхождение русских литургических рукописей. Сделанная Ягичем образцовая редакция полного текста трех наиболее ранних из сохранившихся русских рукописей — суточных Минея (ненотированных) — является важным вкладом в историю как греческих, так и славянских литургических книг². Они отражают более ранние греческие оригиналы и, более того, представляют собой точные копии еще более ранних славянских первоисточников: “Славянские источники часто более ясны, чем греческие, и выглядят как периферийные документы, они консервативны, сохраняют следы архаичных литургической и музыкальной практик”³. К сожалению, нам еще не удалось найти след ни греческих, ни славянских рукописей, которые могли бы послужить оригинальными источниками для этих первых славянских переводов. В этих Минеях нет стихир Октоиха.

Особого внимания заслуживает великолепное собрание из десяти рукописей Минеи (ГИМ, Синод. собр. №№ 159–168) с крюковой нотацией (здесь, должно быть, были и части для марта и июля, которые утеряны). Эти рукописи также называют Минеями Св. Софии Новгородской. Поучительное описание десяти рукописей было опубликовано А.В.Горским и К.И.Невоструевым⁴ (ср. также: Ягич И.В.) Их основной литургический репертуар переведен с греческого на церковно-славянский в русском изводе XII в. Нашего внимания заслуживают две службы в честь апостолов славян — св. Кирилла и св. Мефодия, а также уже упоминавшаяся служба в честь чешского святого Венцеслава, так как их тексты являются оригинальными славянскими творениями учеников и последователей свв. Кирилла и Мефодия. Что касается нотации, мы пришли к заключению, что, несмотря на оригинальные славянские тексты тропарей канонов, их мелодические контуры зависят от мелодий, которые уже были тогда в употреблении (в Октоихе, а также в других Минеях). Вполне реально предположить, что эти мелодии, тексты которых были переведены с греческого, основывались на уже имеющихся греческих напевах.

В этих переводах может быть обнаружено стремление к копированию формы греческого оригинала, его порядка слов, грамматической конструкции, метрики и синтаксиса. Также можно найти примеры, в которых эта тенденция просматривается в меньшей степени. Наиболее поучительны различно переведенные версии одних и тех же песнопений, находящиеся в разных рукописях, которые опубликованы во вступлении к редакции Ягича. Горский и Невоструев также издали несколько различных переводов, собранных в одной рукописи — уже названном комплекте Софийских Минеи.

Музыковеды и филологи проанализировали процесс, посредством которого древние церковно-славянские тексты в различных литургических рукописях были приспособлены к византийским мелодическим формулам и нотированы в системе, которая сама была еще на ранней стадии развития. Нина Константинова также изучала вопрос об адаптации стихир-самоподобнов на апрель и пришла к выводу, что приблизительно 25% русских формул *точно* следуют своим византийским аналогам, около 54% должны трактоваться как *варианты* аналогичных формул в византийской традиции, тогда как около 21% русских формул *не следуют* византийской традиции.

Наше собственное сравнительное исследование четырех греческих и двух русских Стихирарей (ГИМ, Синод. собр. №№ 572 и

589) показывает, что мелодические формулы русских стихир (по одной в каждом из восьми гласов) в большинстве случаев схожи, если не идентичны аналогичным песнопениям в греческих рукописях. Главный каденционный мелодический акцент обычно падает на третий слог от конца. Важно отметить, что русские Стихирари содержат некоторые подобны, не нотированные в греческих суточных Минеях. Более того, эти стихиры подобны не представлены и в греческих Стихирах.

Неоспоримы заключения О.Странка, которые касаются архаичной славянской нотации (крюковой знаменной) и базируются на сравнительном исследовании: 1) архаичная славянская нотация — это нотация византийского происхождения (элементарная форма “архаичной коаленской нотации”, которая использует только очень немногие основные невмы); 2) она должна была возникнуть гораздо ранее 1000 г., возможно, около 950 г.; 3) в какое-то время после 1000 г., возможно и позднее 1050 г., она была изменена в определенных отношениях, и эти изменения снова имели византийское происхождение; 4) в других аспектах — это оригинальное творчество, которое ограничивается использованием некоторых заимствованных знаков способами, совершенно чуждыми византийским, и в котором изобретен по крайней мере один собственный знак.

Уделим специальное внимание двум упомянутым службам в честь апостолов славян — св. Кирилла и св. Мефодия, а также службе в честь чешского святого Венцеслава. В то время как основной литургический репертуар переведен с греческого на церковно-славянский в русском диалекте XII в., большинство текстов этих служб является оригинальным славянским творчеством учеников и последователей свв. Кирилла и Мефодия. Однако когда мы задались вопросом об их мелодии, наше сравнительное изучение трех канонов свв. Кириллу, Мефодию и Венцеславу, а также их моделей обнаружило: а) что ирмосы и богородичны содержатся в Октойхе, Минее и Триоди, б) что эти модели, тексты которых переведены с греческого, демонстрируют почти ту же мелодическую линию и идентичные мелодические формулы как в греческой, так и в славянской версиях, находясь, конечно, в зависимости от иного числа слогов в церковно-славянской версии. М.Велимирович указывает, что “процесс адаптации с одного языка на другой достаточно сложен и часто носит намного более изощренный характер”⁶.

Кр. Ханник в труде “Развитие знаменной нотации в русском Ирмологии до конца XVII в.” указывает, что “Ирмолог не был подвержен текстуальной редакции в течении шести веков,

а самые известные нам рукописи передают текстологический состав времен перевода с греческого. Единство текста и мелодии привело к тому, что текст почти не изменился”⁷. Ханник также утверждает, что Странк преуспел в расшифровке ирмоса 6-го гласа (“Честнейшую Херувим”), используя три греческих и Хиландарский Ирмологий 307. (Странк называл это экспериментальной реконструкцией.) Полезны для исследователей его почти конспективные методологически разработанные анализы, касающиеся вопросов расшифровки древних нотаций (как византийской, так и ранней русской)⁸. Ханник идет гораздо дальше и выдвигает тезис о том, что “нельзя отрицать греческое происхождение славянского Ирмолога, каким он дошел до нас в русских невменных рукописях XII–XVII вв., в аспектах как мелодики, так и ритмики”⁹. И даже более: “Строгое соблюдение метрической структуры греческого оригинала не оставило в славянском варианте места для изменений, то есть иного распределения стереотипных коротких мелодических единиц”¹⁰. Ханник упоминает, что В.Н.Холопова имеет совершенно противоположное мнение¹¹.

Второй южно-славянский перевод, сделанный в конце XIV в., является более чем обычным исправлением существующего. Это была творческая работа, в которой неизвестные переводчики показали лучшее понимание греческого оригинала, чем переводчики и переписчики XII в. Одновременно были исправлены и греческие рукописи. Со “вторым южно-славянским влиянием” этот новый перевод был постепенно принят и в России, но не без сопротивления. Достаточно очевидно, что русские чтецы использовали древние, более привычные для них переводы, которые они имели на протяжении столетий — с XI до XIV — и сперва противились новому переводу, который должен был звучать для них странно. Поэтому даже в XV–XVI вв. некоторые рукописи продолжали следовать старой традиции, несмотря на то, что в этот же период достигли наивысшего расцвета рукописи с новым переводом. Впервые Минея была напечатана в новом переводе.

Сейчас, принимая во внимание результаты деятельности свв. Кирилла и Мефодия, мы осознаем, что с точки зрения церковно-славянской первоосновы их фундаментальная работа, частично отраженная в рукописях, которые освещены в этом докладе, продолжает жить в ежедневных службах и литургиях Греческой, Славянской и Румынской Православных Церквей. Таким образом, более чем тысячелетняя традиция подтверждает свою жизнеспособность. Важный вклад в изучение истории

России и, можно сказать, всеславянского церковного пения был сделан протоиереем Димитрием Васильевичем Разумовским, которому мы можем выразить нашу искреннюю благодарность двумя словами: Вечная память!

Перевод с английского Н.Городецкой

Примечания

¹ Strunk O. Two Chilandari choir books // Strunk O. Essays on music in the Byzantine world. — N.Y., 1977. — P. 221.

² Ягич И.В. Служебные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. // Памятники древнерусского языка. Т. I. — СПб, 1836.

³ Strunk O. The Antiphones of the Oktoechos // Strunk O. Essays on music in the Byzantine world. — P. 188.

⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий: Книги богослужебные. Ч. 2. — М., 1917. — С. 2–85.

⁵ Strunk O. Two Chilandari choir books. — P. 222.

⁶ Велимирович М. Мелодика канона IX в. св. Димитрию // Музыкальная культура Средневековья. Вып. 1: Проблемы древнерусской и армянской письменности и культуры. — М., 1990. — С. 18.

⁷ Цит. по: Музыкальная культура Средневековья. — С. 141.

⁸ См. об этом: Strunk O. Two Chilandari choir books. — P. 227–228.

⁹ Цит. по: Музыкальная культура Средневековья. — С. 144, 149 (сноска 24).

¹⁰ Там же. — С. 145.

¹¹ Холопова В.Н. Русская музыкальная ритмика. — М., 1983. — С. 69.

Summary

The paper informs of the origin of the Slavonic language, its evolution within the Slavonic area and main characteristics as preserved in the early liturgical manuscripts. The oldest music books (Oktoechos and Hirmologion), as the author shows, follow on the whole their Byzantine prototypes, adapting about 80% of neumes (either exactly or variants) but also contain the ingenious sings of the Russian origin.